

СЛОВА

Жил, чтобы петь

Он пел в Киевском и Львовском оперных театрах, был любимцем публики. Потом приехал в Минск — с надеждой осуществить свою заветную мечту: спеть Отелло (сложнейшая опера Верди в те годы почти не ставилась). Он спел Отелло и... остался в Белоруссии навсегда.

Тот двадцатидвухлетней давности спектакль и впрямь незабываем. Яркий, зрелищный, театральный в лучшем смысле этого слова, он привлекал высокой музыкальной культурой, великолепным ансамблем исполнителей, среди которых как звезда первой величины блистал Зиновий Бабий. Вызывал восхищение прежде всего голос молодого артиста — огромного диапазона, сильный, страстный, с ярким, так сказать, итальянским колоритом. Это был ни в коей мере не обычный «сладостный» тенор, но голос мужественного компактного звучания, бархатного баритонально насыщенного тембра.

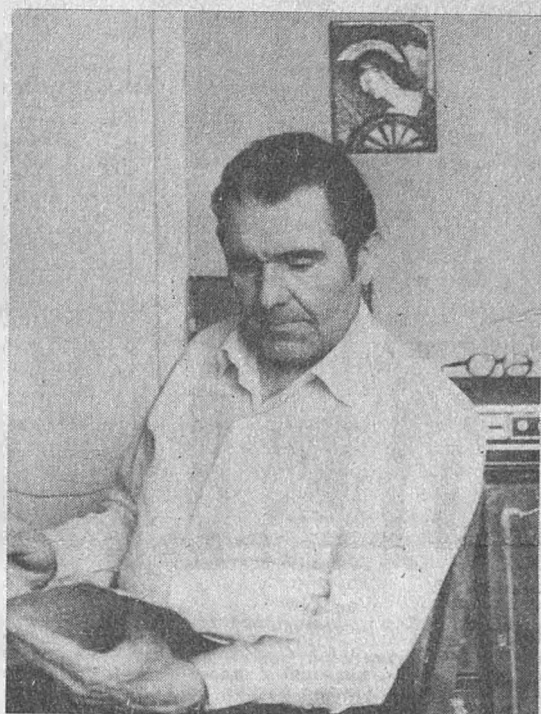
Партия Отелло была близка характеру дарования артиста. Он настолько слился с образом, что много Отелло уже трудно представить себе. Высокий, красивый, крепкого сложения, с могучим голосом полковника и удивительно доверчивыми глазами, с каким-то детским простодушием при пылком, легко воспламеняющемся темпераменте — именно такой его венецианский мавр. Ему веришь, его любишь, вместе с ним страдаешь, терзаешься его мукой.

За два с лишним десятилетия своей сценической жизни Зиновий Бабий спел едва ли не все партии, созданные для драматического и лирико-драматического тено-ра. Спел страстно, щедро, не жалея сил, с предельной творческой самоотдачей. Герои многих

опер Дж. Верди, Дж. Пуччини, Р. Леонкавалло, П. Масканьи были воссозданы с замечательной глубиной и виртуозным блеском.

Но не только партии итальянского репертуара великолепно удавались артисту, хотя они — в первую очередь. Среди любимейших сам Зиновий Иосифович называл, к примеру, Германа из «Пиковой дамы» П. Чайковского. «Я люблю почти все свои партии, — признавался певец в одном интервью, — исключая разве танеевского Ореста». Однако... Постановка «Орестеи» С. Танеева в Минске, а затем показ оперы на сцене Кремлевского Дворца съездов в Москве были восприняты как событие. И этому немало способствовало исполнение Зиновием Бабием главной партии.

Жестокая болезнь вынудила артиста покинуть сцену в расцвете творческих сил, отказаться от многого из того, что составляло смысл его жизни. Страстное желание петь заставило решиться на тяжелейшую операцию на сердце, придавало мужества, стойкости. «Жить, чтобы петь!» — стало его девизом. И он вернулся в большое искусство, стал петь на концертной эстраде, повергая в смещение и одновременно восхищая лечивших его светила медицинской науки. Артист обрел «второе дыхание». Началась новая замечательная страница его творческой биографии, не менее яркая и не менее значительная, чем прежние. Пережитое, прочувствованное и продуманное в период вынужденного молчания не прошло бесследно: искусство мастера обрело зрелость, стало мудрым, академически ясным, законченным, не утратив юношеской све-

жести, непосредственности.

Обнаружился жадный интерес к новым пластам музыкальной классики, к народной песне, к старинной музыке. Просто поразительно, как много сделано певцом менее чем за пять лет: спеты десятки концертных программ, осуществлены гастрольные поездки по стране, сделаны превосходные записи на фирме «Мелодия» (четыре диска-гиганта уже выпущены, остальные выходят в ближайшее время), состоялись замечательные циклы передач по Белорусскому телевидению...

«Феномен Бабия» до сих пор во многом остается загадкой. О нем неоднократно писали: артист обладает прекрасной певческой школой, высокой вокальной культурой. И его «вокальная школа», действительно, великолепна: широкое безграничное дыхание, огромный ди-

апазон, безупречная кантлена, ровность звучания всех регистров, идеальное интонирование, безупречный вкус... А за плечами — лишь Львовское музыкальное училище. Его «университетами» стали оперная сцена и концертная эстрада. И вот еще один акт неоспоримого мужества певца: презрев возраст, болезнь, народный артист республики сел на студенческую скамью, сдал экстерном экзамены за полный консерваторский курс и, получив диплом, приступил к педагогической деятельности в Минском институте культуры.

Те, кто слышал Зиновия Бабию, навсегда сохраняют в своем сердце чарующий тембр его голоса, незабываемые мгновения соприкосновения с истинным талантом. Он мог бы еще петь и петь! 27 января ему исполнилось бы 50 лет...

Ариадна ЛАДЫГИНА.